

УДК 227.7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЫНКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В СТРАНАХ АТР: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

ОСТАНИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры Экономической теории и мировой экономики
Российская таможенная академия, Владивостокский филиал

Аннотация. Энергетическая политика становится важной доминантой в процессе обеспечения не только энергетической, но и национальной безопасности. Время доступа к легко извлекаемым энергетическим ресурсам уходит в прошлое, возрастает конкуренция между ведущими игроками на энергетическом геопространстве. Китай проводит в странах АТР политику нарастания объёмов привлечения в экономику природных ресурсов. Формирование нового качества геополитического пространства происходит в условиях жесткого заявления о национальных политических и экономических интересах государства, поиском моментов сотрудничества с целью получения дополнительных эффектов от международной политической и экономической коллаборации. В условиях глобализирующейся национальной экономики проблема получения доступа к мировым запасам природных ресурсов выходит за рамки национальных территорий и создает предпосылки для междисциплинарного анализа научными инструментами и методами исследования международной политической экономики и международных политических рынков.

Ключевые слова. Политические рынки, экономические рынки, энергетический рынок, экономическая политика, международная политическая экономия, экономическая безопасность, человек политический, человек экономический, «ловушка политического института».

POLITICAL MARKETS AND ECONOMIC POLICY OF CHINA IN THE APR COUNTRIES: POLITICAL ASPECT OF THE NATURAL GAS MARKET UNDER UNCERTAINTY OF THE GLOBAL ECONOMY

Ostanin Vladimir Anatolievich

Abstract. Energy policy is becoming an important dominant in the process of ensuring not only energy, but also national security. Access to easily recoverable energy resources is a thing of the past, and competition among leading players in the energy geospace is increasing. China is pursuing a policy in the Asia-Pacific region to increase the volumes of attracting natural resources to the economy. The formation of a new quality of the geopolitical space takes place in the context of a tough statement about the national political and

economic interests of the state, by the search for moments of cooperation in order to obtain additional effects from the international political and economic collaboration. In the context of a globalizing national economy, the problem of gaining access to world reserves of natural resources goes beyond the boundaries of national territories and creates the preconditions for interdisciplinary analysis with scientific tools and research methods of international political economy and international political markets.

Key words. Political markets, economic markets, energy market, economic policy, international political economy, economic security, political person, economic person, «political institute trap».

Введение. Следует признать в качестве аксиомы положение о том, что проблемы функционирования энергетических рынков, а также состояние политических рынков, принимающих на себя функции регуляторов энергетической сферы, становятся определяющими в формировании современной геополитической архитектуры. Энергетическая политика становится важной доминантой в процессе обеспечения не только энергетической, но и национальной безопасности, в конечном счете. Время доступа к легко извлекаемым энергетическим ресурсам уходит в прошлое, возрастает конкуренция между ведущими игроками на энергетическом геопространстве. [1; 2; 3; 4] Под «энергетической политикой» в данной статье понимается целенаправленная деятельность субъектов по разработке и принятию стратегических решений и реализации мероприятий как внутри политических институтов, так и во внешнеэкономических сферах, направленных на обеспечение страны энергетическими ресурсами, достаточными для энергетической безопасности и устойчивого развития.

Политика Китая в границах АТР была сформулирована уже в 1993 году бывшим Председателем КНР Цзян Цзэмином по итогам визита в страны Африки. Концентрированное выражение эта политика получила в стратегии использования международного рынка и национальных ресурсов. Промышленность Китая стала ориентироваться на внешний рынок, поиску месторождений нефти, газа и их ускоренному совместному с другими странами освоению. В результате были активизированы отношения сотрудничества со странами Центральной Азии. Так в 1993 году китайская корпорация Нефти и газа получила право на добычу нефти в Таиланде, в 2001 году в 10 пятилетнем плане была предусмотрена диверсификация энергетической политики в направлении более активного использования иностранных ресурсов, формирование зарубежной базы поставок сырья, нефти и газа, создания национального стратегического резерва энергоресурсов для обеспечения энергетической безопасности. [5]

Далее, в 2014 году в рамках принятой Стратегии развития энергетики до 2020 года (2014-2020) была предложена энергетического реформирования на развитие «зелёной энергетики», предусматривающей активное участие в международном сотрудничестве. [6; 7; 8]

Данное положение предопределило основной круг проблем, которые стало основными темами и предметами научных исследований в области международных политических рынков и международной политической экономии. Формирование нового качества геополитического пространства происходит, с одной стороны, в условиях жесткого заявления о национальных политических и экономических интересах государства, с другой стороны, поиском моментов сотрудничества с целью получения дополнительных эффектов от международной политической и экономической коллаборации. В условиях глобализирующейся национальной экономики проблема получения доступа к мировым запасам природных ресурсов выходит за рамки национальных территорий и создает предпосылки для междисциплинарного анализа научными инструментами и методами исследования международной политической экономии и международных политических рынков.

Доказательство тезиса. Китай, как крупнейшая страна-производитель товаров, являющаяся по настоящее время локомотивом мировой экономики, входит во многие региональные экономические и политические объединения. В данной статье предметом исследования является формирование политических рынков на пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона, (далее АТР). Страны АТР расположены по периметру Тихого океана, включая одновременно и некоторые многочисленные островные государства уже в самом Тихом океане. К этому региону относят и материковые государства, например, Монголию, Непал, Союз Мьянма, Индию. По состоянию на 2020 год 58 стран. На геопространстве АТР

сформированы основные интеграционные сообщества, политически оформленные в форме договоров, соглашений. К важнейшим следует отнести Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее -АСЕАН), Шанхайская организация сотрудничества (далее ШОС). На этом же геополитическом и геоэкономическом пространстве функционируют крупные организации-участники, которое непосредственно не оформлены как члены АТР, например, Содружество независимых государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сообщество организаций БРИКС, G-20, G-7. Экономисты и политики едины во мнении, что центр деловой мировой активности смещается в АТР. На национальные экономики АТЭС приходится около 60 % всех мировых заключаемых торговым сделок и 16 трлн совокупного ВВП. По некоторым прогнозам, к 2030 году объем ВВП, производимого в странах АТР, достигнет 70 % всего совокупного продукта, созданного в мировой экономике. Внешнеполитический курс Китая в сфере газовой энергетики, реализуемый в страна АТР, будет направлен на обеспечение энергетической безопасности страны. [9:] Это будет ориентировано на диверсификацию источников энергетических поставок и уменьшения зависимости от стран Персидского залива. [10]Если же вести речь о интересах России в этой энергетической сфере, то следует подчеркнуть её направленность «на целесообразность формирования прочного энергетического фундамента стратегического партнерства. Кроме того, быстро развивающийся энергетический рынок Китая представляет значительный интерес для отечественных энергетических компаний в области не только энергетических поставок, но и в сферах энергетические оборудования и технологий». [11]

Нерешенность проблемы безопасности поставок газа через Малаккский и Ормузский проливы перестроило политику Китая относительно транспорта и логистика газа. Китай вынужден был активизировать проект с выходом на потенциал стран АТР, одновременно усилив и евразийское направление Центральной Азии (Казахстан), Россия. [12]

Таким образом геополитический аспект, географическая близость Китая со странами АТР, с Россией, в частности, неспособность Китая обеспечить свои потребности за счет внутренних источников газа сформировал политическую платформу по выработке политического решения – установления долгосрочных стратегических целей по ориентации на развитие сотрудничества со странами АТР и его политическими институтами. «За последние годы Китай превратился из чистого экспортера нефти в чистого импортера. Данное обстоятельство лежит в основе китайского энергетического экспансионизма, объектами которого становятся Латинская Америка, Африка и Ближний Восток. Россия и страны Центральной Азии играют важную роль в обеспечении энергетической безопасности Китая, а КНР, соответственно, в обеспечении их долгосрочного экономического развития. Китай давно уже добивается от России получения доступа к ее сырьевым товарам; Россия же давно стремится укрепить азиатский вектор своей энергетической дипломатии, чтобы создать противовес американской мощи, а также усилить свое политическое и экономическое воздействие на европейцев, создав впечатление, что она заглядывается на Восток». [13, 168]

На региональном политическом рынке данный факт совпадения экономических, политических целей Китая и России позволило усилить роль экономического и политического регионального института ШОС, сформировав новый вектор направленности на усиление стратегического сотрудничества АТР. Тем самым был сделан важный шаг формировании новой региональной политики, новой архитектуры регионального политического рынка в «противодействие политике однополярного мира и односторонней политике США в эпоху после холодной войны путем выработки стратегии политического баланса и реализации идеи многополярного мира.

Энергетическое сотрудничество является важной составляющей экономического сотрудничества в рамках ШОС и АТР. «Именно ШОС может использовать свой опыт по консолидации сил в борьбе с терроризмом, распространить его на выработку общей платформы и системы взаимодействия в рамках энергетических рынков. ШОС позволит странам Центральной Азии и России наладить сотрудничество с государствами-потребителями, интенсифицировать процесс обустройства новых маршрутов поставки нефти и газа в направлении КНР и Южной Азии». [14]

Следовательно, для Китая АТР будет оставаться одновременно основным производителем и потребителем как природного, так и сжиженного газа. О месте Китая в газовой энергетической сфере можно судить заявленными запасам, объемам добычи и объемам потребления природного и сжиженного газа по состоянию на конец 2018 года.

Таблица 1

Объем доказанных запасов природного газа, в трлн. м³; Объем добычи, в млрд. м³; Объем потребления в млрд. м³

Страна	Объем доказанных запасов природного газа, в трлн. м ³ / %	Объем добычи, в млрд. м ³ . в / % (оценка «ВП»)	Объем потребления, в млрд. м ³ . в / %
Россия	38,9 / 19,8	669,5	454,5
Иран	31,9 / 16,2	239,5	225,6
Катар	24,7 / 12,5	175,5	
Туркменистан	19,5 / 9,9		
США	11,9 / 6,0	831,8	817,1
Венесуэла	6,3 / 3,2		
Китай	6,1 / 3,1	161,5	283,0

К крупнейшим государствам по добыче газа следует отнести также: Канаду (184,7 млрд. м³), Австралию (130 млрд. м³), Норвегию (120,6 млрд. м³), Саудовскую Аравию (112,1 млрд. м³), Алжир (92,3 млрд. м³). К крупнейшим потребителям природного газа в дополнении к отмеченным в таблице следует отнести: Иран (225,6 млрд. м³), Япония (115,7 млрд. м³), Канада (115,7 млрд. м³), Саудовская Аравия (112,1 млрд. м³), Мексика (89,5 млрд. м³), Германия (88,3 млрд. м³), Великобритания (78,9 млрд. м³). Крупнейшие импортеры природного газа: Япония, Германия, США, Италия, Южная Корея, Китай, Великобритания, Франция, Турция, Испания. Всего объем мирового импорта составил более одного триллиона млрд. м³.

Китай продолжает наращивать импорт природного газа для удовлетворения потребностей своей развивающейся экономики и для решения проблем оздоровления природной среды. Решается эта проблема в том числе за счет наращивания импорта из России по запущенному в декабре 2019 года трубопроводу «Сила Сибири». В 2020 году в Китай будет поставлено уже около 5 млрд. м³ в провинции Цзилинь и Ляонин. Провинция Хэйлунцзян пока не готова принимать российский газ в силу недостатка трубопроводных мощностей.

Политики Китая полагают, что Китай вступил в новый «золотой век», когда уголь будет вытесняться из внутреннего потребления вплоть до полной реализации экологически ориентированной политики в сфере энергетики. За прошедшие 17 лет потребление природного газа в Китае за увеличилось в 15 раз, достигнув в 2018 г. 283,0 млрд куб. м., на электроэнергетику приходилось при этих масштабах только 15% от общего объема выработанной энергии. По некоторым оценкам уже в 2030 году объемы спроса на газ могут возрасти до 600 млрд куб. м.

Политика России на энергетическом рынке Китая полностью соответствует долгосрочных стратегическим целям Китая. Эти взаимоотношения имеют как региональный, так и глобальный характер. Так, Китай, сталкиваясь с дефицитом газа, тем не менее в ответ на введенные США дополнительные таможенные барьеры на китайские товары, ввел 25 % таможенную пошлину на импортируемый из США сжиженный газ. Тем самым Китайская политика на газовом рынке была в большей мере ориентирована на российский рынок. В результате введенных санкционных действий США потеряли этот сегмент рынка в Китае. Активная политика правительства Китая позволила заместить сжиженный газ из США природным газом из России. Тем более сжиженный газ из США не может реально составить конкуренцию природному российскому газу. В результате Китай становится для России надежным и долгосрочным партнером, покрывая потребности растущей экономики и укрепляя одновременно энергетическую безопасность Китая.

Политики Китая пока не выразили своё отношение к освоению Арктики или участия в её освоении. Арктическая зона Арктики, которая находится под российской юрисдикцией, богата запасами природного газа. Китай, являясь крупнейшим импортером природного газа, будет сталкиваться в будущем со все возрастающей потребностью покрытия дефицита природного газа. Китай заинтересован в инвестиционных проектах по доставке и добычи газа, ибо с этими проектами связано будущее развития Китая.

Успехи в реализации политических решений в части углубления сотрудничества в газовой сфере одновременно уживаются с серьезными недостатками. Обобщенно эти недостатки можно свести к следующим положениям:

- Недооцениваются стратегические перспективы с позиций долгосрочных интересов России с Китая, замещая их краткосрочными и узкокорпоративными интересами. Доминирует цель – извлечение сырьевыми добывающими корпорациями сиюминутной коммерческой прибыли; [15]
- Отсутствует доверие, которое могло бы быть более надежным в области энергетического взаимодействия;
- Отсутствие надежного стратегического подхода в энергетическом сотрудничестве. [16]
- Выработывая региональную политику в сфере энергетики следует исходить и из того, что отношения коллаборации в российско-китайских взаимосвязях уживаются с отношениями конкуренции. Энергетическая стратегия Китая исходит из сохранения низких цен на энергоресурсы, а также на обеспечение стабильных объемов поставок, что в условиях неопределенности товарных и политических рынков накладывает на Россию – как поставщика ресурсов огромные риски.

Обозначенное выше даёт основание для суждения о том, что формирование международного регионального политического рынка должно рассматриваться в русле нормативного анализа экономической политики через призму теории благосостояния, игнорируя интересы политических агентов, которые вовлечены в процесс выработки и принятия политических новаций. При этом слабость этого подхода лежит именно в том, что акторы в теории благосостояния, могут становиться субъектами политических процессов, у которых появляются свои, обособленные от общих, частные интересы, либо интересы различного рода энергетического лоббирования. При этом следует иметь в виду, что на выработку политического нового проекта могут оказывать воздействие и иные теории политологии как науки с иным видением концепта глобальных общественных и коммерческих благ. Это связано с «объективной» и «субъективной» интерпретацией интересов. [17, 337-338]

Считаем эту проблему требующей теоретического своего разрешения. Ибо отмеченный выше недостаток – следование сиюминутным коммерческим интересам извлечения прибыли в ущерб долгосрочным стратегическим целям на политическом рынке, есть проявление проблемы интересов акторов региональной и глобальной экономической политики. На политических рынках также, как и на рынках потребительских товаров существует спрос и предложение. Со стороны спроса на политических рынках выступают политические решения, политические институции, призванные удовлетворить те или иные слои гражданского общества в нормативных актах, законах, иных правоустанавливающих документах, включая международные соглашения. На стороне предложения выступают субъекты политических процессов, наделенные властными и законодательными функциями народом. Этот рынок может находиться в состоянии как эффективного, так и неэффективного равновесия. Последнее следует охарактеризовать как «ловушку политического института». Наделенные властью и компетенциями законотворчества политики могут не понимать, не выражать, либо игнорировать требований политического рынка, преследуя тем самым свои узкокорыстные частные интересы. Тем самым сама государственная политика может выражать при этом частные интересы отдельных групп, т.е. быть частной государственной политикой. [18; 19]

По определению, политика, как «концентрированное выражение экономики» - В. Ленину, должна выражать требования всеобщности, целого, т.е. общегосударственные национальные интересы. По крайней мере политик не может в теории международной политической экономии в концепции теории благосостояния быть «экономическим человеком», т.е. *homo oeconomicus*. Экономический человек руководствуется собственными целями, основанными на личном, частном интересе, рационализирующий свое поведение в выборе альтернатив в свою пользу на политических рынках.

Социологический человек (*germanae naturae sociali hominis*) – это модель человека социализированного, ограниченного санкциями, находящимся в поле общих правил, или институтов.

Политический человек (*homo politicus*) ориентируется на систему целей, в основе которых лежат ценности (мнения, установки, убеждения), сформированные в процессе политической социализации под влиянием таких институтов, как семья, группы, политические партии и т.д. [17, 17-22]

Заключение. Углубление и совершенствование региональной политики в сфере обеспечения газом Китая лежит в преодолении вышеотмеченной «ловушки политического института» на политических рынках, вывод методом шоковой терапии акторов международной политики за рамки принятия политических решений. Энергетическая политика Китая в своей реализации должна учитывать не только свою национальную составляющую проблемы «ловушки политического института», но и недостатки в реализации политики экономического партнера на политических рынках.

Список литературы

1. Ци Вэньхай. Чжун е нэн юаней хэ Цзо чжан луе юй дуй цэ (Стратегия энергетического сотрудничества Китая и России) / Ци Вэньхай. –Изд. Ше хуй ге сюэ чу ван ше, 2006. (戚文海中俄能源合作战略与对策// 社会科学文献出版社. -- 2006.).
2. Фан Тинтин. Энергетический фактор во внешней политике КНР / Фан Тинтин // Мировая экономика и международные отношения. -- 2011.--№ 8;
3. Фан Тинтин. Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества между Россией и Китаем / Фан Тинтин // Власть. -- 2010. -- № 8;
4. Фан Тинтин. Энергетическая политика КНР на современном этапе / Фан Тинтин // Вестник Московского университета (Серия 25). -- 2010. -- № 4.
5. 第十个五年计划规划纲要[10-ой пятилетний план]. 2001.03.05// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://govinfo.nlc.gov.cn/nxfz/xxgk/plxrmzfwgkw/201204/t20120429_1433434.html (07.02.2018)
6. Чу Лин. Газовое сотрудничество между Китаем и Россией в современных условиях / Чу Лин // Научный журнал: Россия и АТР. -- 2015. -- № 1;
7. Чу Лин. Энергетическое сотрудничество между КНР и РФ в политическом аспекте / Чу Лин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. -- 2014. -- № 9 (47);
8. 能源发展战略行动计划 (2014-2020) «Стратегия развития энергетики (2014–2020)» 2014.12.03 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.nea.gov.cn/2014-12/03/c_133830458.htm (07.02.2018)
9. Изимов Р.Ю. Глобальная энергетическая политика Китая и место в ней Центральной Азии [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://cc-sauran.kz/rubriki/economika/107-globalnaya-energeticheskaya-politika-kitaya.html> (07.02.2018 г.)
10. Данила Бочкарев Международное энергетическое агентство -общая цель Китая и России, стратегических партнеров в сфере энергетики. 30.08.2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.dv-reclama.ru/atr/kitay/10147/mezhdunarodnoe_energeticheskoe_agentstvo_obshchaya_tsel_kitaya_i_rossii_strategicheskikh_partnerov_v/ (07.02.2018 г.).
11. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. Основные положения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf>. (07.02.2018 г.).
12. Ebel, Robert E. Energy and geopolitics in China: mixing oil and politics / Robert E. Ebel. -- 2009.-- p. 31.
13. Кристина В. В. перспективы сотрудничества и развития отношений, связанных с газоснабжением между РФ и КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ, 17-18 мая 2012 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. –Благовещенск: Изд-во БГПУ. -- 2012. -- С. 168- 172.

14. The Shanghai Cooperation Organisation; Towards a full-grown security alliance? / Edited by Marcel de Haas – The Hague, Netherlands Institute of International Relations Clingendael [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.infoshos.ru/en/?idn=13913> (07.02.2018 г.).
15. Парамонов В., Строков А. Современный формат российско-китайского энергетического сотрудничества: основные проблемы и перспективы // Время Востока, 09.07.2012
16. Чэнь Шу-янь Анализ последствий вступления России в ВТО на китайско-российское сотрудничество в энергетической сфере / Чэнь Шу-янь // Чжун го вай цзи. -- 2012. -- No.10. – p. 100 –107.
17. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. Изд.2-е. М.: ЛЕНАРД. -- 2015. - С.337-338.
18. Останин В.А. Общая и частная экономическая политика государства: проблемы взаимоотношений и взаимообусловленности // Таможенная политика на Дальнем Востоке России. -- 2013. -- № 4 (65). -- С. 23-27.
19. Останин В.А. Оппортунизм современной геофинансовой политики // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. -- 2014. -- № 4-5. -- С. 4-15.